

А.Н. Кравцов

**ПИСЬМА ДЕКАБРИСТА Д.И. ЗАВАЛИШИНА К РЕДАКТОРУ
С.Н. ШУБИНСКОМУ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АВТОРА
И ИЗДАТЕЛЯ В КОНЦЕ XIX в.**

Аннотация. В конце XIX в. декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин стал постоянным автором журнала «Исторический вестник». Его отношения с редактором издания С.Н. Шубинским складывались не всегда безоблачно, в связи с чем они состояли в интересной переписке. Данный эпистолярный документ эпохи. До настоящего времени он находился в фонде С.Н. Шубинского, хранящемся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Именно здесь многолетняя сотрудница архивного хранилища Гали Всеволодовна Никольская впервые провела с ним исследовательскую работу. Переписанные ею от руки письма Завалишина вместе с ее рукописной статьей волею судеб оказались в Российском государственном архиве литературы и искусства. Здесь нам удалось с ними ознакомиться. Письма декабриста интересны с точки зрения изучения истории журналистики конца XIX в. Любопытна и вступительная статья Никольской, в которой она дает свои текстологические комментарии и научные оценки личности Завалишина, а также его публицистической деятельности. Написанная с позиций советского историка, ее статья невольно вызывает дискуссию. Отношение историографии тех лет к декабристам как зачинателям революционного движения в России своеобразно и нуждается в современной трактовке. Вот почему представляется тем более важным не только ввести в научный оборот неопубликованные письма одного из известных декабристов и активного журналиста 70-х годов XIX в., но и отдать дань памяти исследователю, которая готовила этот материал к публикации 80 лет назад, но не довела свой труд до конца.

Ключевые слова: Д.И. Завалишин; Г.В. Никольская; С.Н. Шубинский; «Исторический вестник»; журналистика XIX в.; декабристы.

Кравцов Андрей Николаевич – кандидат филологических наук,
Русское Этническое Представительство штата Виктория,
консультант по онлайн-занятиям. Мельбурн, Австралия.
E-mail: kravtsov@4tets.ru

Kravtsov A.N. Letters of the Decembrist D.I. Zavalishin to the editor S.N. Shubinsky: the relationship between the author and the publisher at the end of the 19th century

Abstract. At the end of the 19th century, the Decembrist Dmitry Irinarkhovich Zavalishin became a regular contributor to the «Historical Bulletin» almanac. As his relationship with the editor-in-chief S.N. Shubinsky was not always cloudless, the two engaged in an interesting correspondence exchange. This epistolary has not been published earlier and is a curious document of the era. Until now, it had been in the fund of S.N. Shubinsky stored in the Manuscript Department of the Russian National Library in St. Petersburg. It was there when Gali Vsevolodovna Nikolskaya, a long-term employee of the archival depository, conducted her research work with it for the first time. By a twist of fate, the letters by Zavalishin transcribed by her by hand together with her handwritten article ended up in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), which is where we got to know them. The letters by the Decembrist are interesting from the point of view of studying the history of journalism at the end of the 19th century. Nikolskaya's introductory article is also curious as she gives her textual comments and scientific assessments of Zavalishin's personality in there, as well as his journalistic activities. Written from the standpoint of a Soviet historian, her article provokes discussion involuntarily. The attitude of the historiography of those years towards the Decembrists as the initiators of the revolutionary movement in Russia is peculiar and requires a modern interpretation. That is why it is all the more important to introduce the unpublished letters by one of the famous Decembrists and an active journalist of the 1870s into scientific circulation, as well as to pay tribute to the memory of the researcher who prepared this material for publication 80 years ago, yet did not complete her important work.

Keywords: D.I. Zavalishin; G.V. Nikolskaya; S.N. Shubinsky; «Historical Bulletin»; journalism of the 19th century; Decembrists.

**Kravtsov Andrey Nikolaevich – PhD in Philology,
Russian Ethnic Representative Council of Victoria,
Online Sessions Consultant. Melbourne, Australia.
E-mail: kravtsov@4tets.ru**

Декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин, несомненно, обладал талантом журналиста, публициста, писателя и исследователя. Его перу принадлежит множество монографий как о социальной жизни российской глубинки, так и о политическом будущем заокеанских территорий. Кроме того, он много публиковался в российской периодике конца XIX в. Вот почему большой интерес вызывает его эпистолярный, куда вошли письма к одному из издателей, Сергею Николаевичу Шубинскому. Последний весьма благосклонно

относился к сочинениям Завалишина, и судя по всему, не противился его публикаторской деятельности. Более того, как видно из письма от 21 ноября 1879 г., Шубинский лично пригласил Завалишина как автора к работе в его журнале «Древняя и новая Россия».

Вместе с тем развернувшаяся в печати дискуссия между Завалишиным и другими декабристами по темам их пребывания и общения в ссылке привела к тому, что они разорвали с ним связи. Следом за декабристами от сотрудничества с Завалишиным отказались и редакторы исторических журналов. «В 1870-х гг. это сделал П.И. Бартнев, в начале 1880-х гг. – М.И. Семевский. Отказался печатать статьи Завалишина и редактор “Исторического вестника” С.Н. Шубинский», – замечает Е.Б. Васильева [Васильева 2014, с. 391]. Обо всем этом есть упоминание в публикуемых здесь письмах.

До настоящего времени указанный эпистолярый фонд находился в фонде С.Н. Шубинского, хранящемся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге¹, где многолетняя сотрудница архивного хранилища Гали Всеволодовна Никольская впервые провела с ним исследовательскую работу, тщательно переписав для дальнейшей публикации. Как можно убедиться на примере сохранившихся в архивах оригиналов рукописей Д.И. Завалишина эта работа потребовала от Никольской изрядных усилий – почерк автора очень мелкий и к тому же местами неразборчивый.

Гали Всеволодовна Никольская (1897–1942) работала в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде с 1933 г., где составила научное описание архивов И.И. Ясинского, К.К. Владимирова, Т.Д. Флоринского, Л.А. Саккетти и др. Составила картотеку писем по всем новым фондам. Опубликовала ряд материалов (письмо А.А. Блока из архива М. Горького, резолюция Николая II из архива гр. И.И. Толстого), подготовила к печати письма А.С. Суворина к С.Н. Шубинскому и приступила к работе по теме «Материальное положение русских писателей 60-х гг. XIX в.» на основании документов Литературного фонда. 15 мая 1939 г. она была переведена на должность главного библиотекаря, а 30 ноября 1940 г., в связи с переходом на инвалидность, уволена из Публичной библиотеки

Однако свои занятия в библиотеке она не прекращала, много работая с фондами А.С. Суворина, Н.К. Шильдера, С.Н. Шубинского, В.П. Гаевского, С.Ф. Потапова. С 15 мая 1941 г. по договору начала составлять систематический каталог русского фонда Рукописного отделения. Предполагаемый объем работы планировался около 5 печатных листов и был рассчитан на оставшиеся полгода 1941-го. В феврале 1942 г. Никольская слегла и через два месяца

---

1. Первое упоминание об этом см.: *Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1918 гг. Л., 1940. С. 236.*

скончалась. Перед смертью она завещала свой архив Публичной библиотеке. Архив был принят на хранение и разобран Е.Э. Гранстрем, которая навещала и помогала Никольской до последних дней ее жизни. В нем были статьи об истории Рукописного отделения [Никольская 2002, с. 268–307], два незаконченных романа, неопубликованные работы и личные материалы. После войны архив был возвращен родственникам Никольской [Вольфцун 2003] и впоследствии оказался «распыленным».

О своей работе над письмами Никольская делится в своих лишь недавно опубликованных воспоминаниях²: «...я официально предложил Горбачеву³ разрешить мне составление карточек на письма по всем “новым фондам”; письма являлись в них самым ценным, и многие архивы состояли почти исключительно из писем. Разрешение было дано, и я с жаром взялся за работу. Результатом этих работ были тысячи карточек, стоящих и поныне в карточном каталоге Рукописного отделения» [Никольская 2002, с. 271]. Так ею было обнаружено ранее неизданное письмо Блока. «На архив С.Н. Шубинского настоящей описи нет. Я составлял только карточки на 20 тысяч с лишним писем этого архива. Карточка составлена элементарно, и моей мечтой было исподволь заменить их научно-составленными карточками. <...> Но ... моя болезнь ... война ... Человек предполагает, а судьба издевается над его предприниманиями» [Никольская 2002, с. 286].

«Мне хочется еще вернуться к архиву С.Н. Шубинского. Это был мой любимый архив... Помещался он в специальном дубовом шкафу, к которому была привинчена медная доска с соответствующей надписью. В этом шкафу он и был передан в Рукописное отделение наследниками Шубинского в 1914 г. Все 20 тысяч с лишним писем этого архива были переплетены Шубинским в изящные тома; на большинство годов было по 4 тома, а внутри томов письма располагались в алфавитном порядке корреспондентов» [Никольская 2002, с. 287].

«За время моей работы над архивом Шубинского я сроднился с самим Шубинским; мне стало близко и интересно все, относящееся к нему. Шубинский стал для меня живым человеком, и – вот нонсенс, – прекрасно видя все его недостатки (и не мелкие), я, тем не менее, его полюбил...» [Никольская 2002, с. 288].

Так, переписанные Никольской от руки письма Завалишина вместе с ее рукописной статьей волею судеб оказались в Российском государственном архиве литературы и искусства, где нам удалось с ними ознакомиться. Прежде всего, его письма интересны с точки зрения изучения истории журналистики конца XIX в., когда появилось в печати большое число «толстых»

---

2. Воспоминания написаны от мужского лица.

3. Горбачев Георгий Ефимович (1897–1937) – литературовед и литературный критик, непосредственный начальник Г.В. Никольской.

историко-литературных изданий, таких как «Русский Вестник», «Морской Сборник», «Вестник промышленности», «Исторический Вестник», «Древняя и новая Россия», «Русская Старина». Хотя на эту тему написано немало работ [Мироненко 1976, с. 169–183; Васильева 2014], все же взгляд очевидца на происходившее всегда наиболее интересен. Хотя письма Завалишина к различным персонам уже попадали в поле зрения исследователей [см., например: Азадовский 1988, с. 179–198], данные письма из архива С.Н. Шубинского вводятся в научный оборот впервые.

Интересна и вступительная статья Никольской, в которой она дает свои текстологические комментарии и научные оценки личности Завалишина, а также его публицистической деятельности. Написанная с позиций советского историка, ее статья невольно вызывает дискуссию. Отношение историографии тех лет к декабристам как зачинателям революционного движения в России обусловлено идеологически и нуждается в современной трактовке, работа над чем уже ведется [Штец 2011, Штец 2017, Штец 2017а; Декабристы 2014; Киянская 2015; Эрлих 2016].

В частности, историк Э.Б. Штец пишет об этом так: «Необходимо учитывать, что одни и те же события, изложенные одними и теми же людьми в письмах и поздних воспоминаниях порой, имеют существенные отличия. <...> По сравнению с письмами воспоминания более осмысленный труд, им присущ несколько надуманный эмоциональный, иногда оптимистический, иногда трагический и, конечно, подверженный анализу с учетом прошедшего времени и событий оттенков» [Штец 2017, с. 7–8].

Исходя из вышесказанного, представляется тем более важным не только ввести в научный оборот неопубликованные письма одного из известных декабристов и активного журналиста 70-х годов XIX в., но и отдать дань памяти исследователю, которая готовила этот материал к публикации 80 лет назад, но по стечению трагических обстоятельств не довела свой важный труд до конца. Орфография приведена к современной. Сокращенные названия журналов раскрыты в квадратных скобках, добавлены пропущенные кавычки. Это касается как вступительной статьи Г.В. Никольской, так и писем Д.И. Завалишина.

**Письма декабриста Д.И. Завалишина к С.Н. Шубинскому.
РГАЛИ. Ф. 567, оп. 1, ед. хр. 45**

**Вступительное слово сотрудника Рукописного отделения
Публичной библиотеки Г.В. Никольской**

Дмитрий Иринархович Завалишин во многих отношениях представляет собою своеобразную фигуру среди декабристов.

Он родился в 1804 г., учился в Морском корпусе и, не довольствуясь «казенною наукою», путем самообразования, приобрел обширные знания в самых различных областях. В 1822 г. Завалишин принял участие в кругосветном плавании вместе с известным адмиралом Лазаревым. Находясь в плавании, он отправил Александру I письмо, в котором подвергал критике только что состоявшийся Веронский конгресс и идеи «Священного союза». Александр I, заинтересованный письмом, захотел видеть его автора, но Завалишин вернулся в Петербург в момент не подходящий для свидания с императором, т.е., во время знаменитого наводнения в ноябре 1824 г. Встреча Александра I с будущим декабристом не состоялась.

В это же время Завалишин увлекся идеей об учреждении «Ордена восстановления» – общества, носящего мистический, масонский характер. Идею этого общества Александр I нашел «увлекательной», но официального разрешения на его открытие не дал.

Привлеченный Рылеевым к участию в «Северном тайном обществе», Завалишин, казалось, принадлежал к наиболее «левым» декабристам, т.е. являлся сторонником республики и цареубийства. Однако несмотря на свою беспокойную энергию, большие знания и властолюбие, он не только не состоял в числе руководителей Общества, но и, – вопреки данным, сообщаемым им в своих «Записках», – не пользовался среди членов Общества особым доверием и авторитетом. Причиной этому была его явная склонность к авантюрам.

После разгрома декабрьского восстания Завалишин еще довольно долго находился на свободе (лишнее доказательство его слабой связи с участниками восстания), надеясь, что гроза пройдет мимо него и рассчитывая на блестящую карьеру в будущем. Он был арестован лишь в начале марта 1826 г. на основании показаний мичмана гвардейского полка майора Дивова. На допросах он выказал весьма мало героизма, всячески стараясь выгородить себя и проявляя весьма верноподданнические настроения.

Отнесенный к I-му разряду осужденных, Завалишин был приговорен к 20-ти годам каторжных работ; этот срок был сокращен до 13-ти лет, а затем каторга заменена поселением в Чите. После объявления в 1856 г. амнистии декабристам Завалишин еще несколько лет оставался в Чите, и лишь в 1863 г.

вернулся в Москву. Там он посвятил себя литературной деятельности, сотрудничая в различных журналах («Московские ведомости», «Русский Вестник», «Морской Сборник», «Вестник промышленности», «Исторический Вестник», «Древняя и новая Россия», «Русская Старина»).

Завалишин умер в глубокой старости в 1892 г.

Его «Заметки декабриста», отрывки которых печатались в «Русском Вестнике» (1873, № 6) и в «Русской Старине» (1881, т. XXXI, 1883, т. XXXIII) полностью были изданы в Мюнхене в 1904 г., а в Петербурге – в 1906 г.

Отрывки из воспоминаний, напечатанные еще тогда, когда многие из декабристов были еще живы⁴ и могли противопоставить фактам, изложенным Завалишиным, свое суждение о них, вызвало среди его товарищей по каторге и ссылке резко отрицательное отношение к нему. Наиболее точно оно сформулировано в воспоминаниях декабриста А.А. Фролова («Русская Старина», 1892, т. XXXIV), являвшихся ответом на воспоминания Завалишина.

Фролов говорит: «В среде людей, быть может, слишком увлекшихся, но горячо любивших свое отечество, преследовавших лишь одну цель – общее благо, людей, гордившихся своими цепями и судьбой, он (Завалишин) не мог, не должен был чувствовать себя в своем кругу. Цепи были для него позорны, положение свое он называет падением. Но несчастье уравнивает всех. Поэтому к его положению относились снисходительно и с сожалением.

Его не чуждались, но он себя внутренне сознавал чужим среди нас. Этим-то снисхождением и признанием нравственного превосходства товарищей он тяготился целые 12 лет. Это естественно должно было развить в нем озлобление».

Эта характеристика Завалишина и его настроения кажется нам психологически вполне верной, и она же объясняет многое в его поведении по возвращении из Сибири.

«Записки» Завалишина и сами по себе дают достаточно материала для суждений о нем.

Фролов был совершенно прав, говоря о том, что среди декабристов Завалишин не мог себя чувствовать в своем кругу. Отношение его к большинству из декабристов – явно отрицательное. В своих показаниях Следственной комиссии он называл Рылеева «коварным злодеем» и весьма сокрушался, что не донес государю о тайном обществе, поверив вдруг (вопреки своим прежним убеждениям), что «позорно быть доносителем».

---

4. Живы были М.И. Муравьев-Апостол, П.Н. Свистунов, А.А. Фролов, А.П. Беляев, бар. А.Е. Розен, Н.А. Загорецкий, М.А. Назимов. – Комм. Г.В. Никольской.

В тех же показаниях Следственной Комиссии Завалишин так говорит о своей роли в тайном обществе: «Старался изведать более о тайном обществе, и для сего позволял себе несогласие с моими чувствами и видами слова, обратившиеся ныне к моей гибели»... Переведя это высокопарное заявление на простой язык, следует сказать, что все слова Завалишина, рассматривавшиеся Следственной Комиссией, как «преступные», говорились им среди членов Общества лишь с провокационной целью.

Если на самом деле было и не так, – все равно, весьма характерна решимость Завалишина выставить себя перед Следственной Комиссией в роли провокатора.

Вряд ли мы ошибемся, сказав, что, участие Завалишина в заговоре Декабристов было одним из проявлений его авантюристического характера. Честолюбивый и властолюбивый, Завалишин не хотел упустить случая примкнуть к тому движению, которое, в случае его успешного конца, *могло бы* выдвинуть Завалишина в первые ряды политических деятелей; но, далеко не уверенный в победе этого движения, Завалишин готовил себе и мост для отступления.

Честолюбие и непомерное самомнение – таковы основные черты нравственного лица Завалишина.

Эти черты выступают очень ярко чуть ли не на каждой странице его «Записок».

Он не скупится в них на цитирование самых лестных отзывов о себе разных лиц, начиная с Николая I и кончая учителями Читы.

«У него в одном мизинце больше ума чем во всех наших головах», – сказал о нем граф Остерман-Толстой.

«Новый государь... считал меня необходимым для дел обновления флота⁵ и нужным для содействия к воспитанию наследника»...

«Представителем силы и знания в казематском обществе суждено было быть мне; и поэтому-то именно во мне и олицетворилось творческое начало всякого устройства... Такое мое назначение определялось... личными моими способностями... и свойствами... Я был преобразователь во всех сферах, в которых действовал»...

«Что требовал я от своих товарищей то заключаю? Я требовал, прежде всего сохранения нравственного достоинства... Во вторых, я требовал, чтобы не теряли время на пустые занятия»...

По этому поводу А.А. Фролов совершенно справедливо заметил: «Никто не поверит, чтобы юноша двадцати с чем то лет, вступивший в круг людей, незнакомых ему и по известным причинам не доверявших ему, получил бы

---

5. Это говорит всего-навсего флотский офицер. – Комм. Г.В. Никольской.

вдруг право “требовать от них сохранения нравственного достоинства”, “чтоб они не теряли время на пустые занятия”, обращались притом к лицам много старше его, снискавшим общее уважение и знавшим его прошлые колебания или, точнее сказать, – отсутствие убеждений».

Завалишин презирал Пущина за то, что тот писал свои статьи, находясь за границей, вне власти III Отделения: «Я сказал Пущину, что слово может быть действительно сильным и великим делом, но только, когда человек подвергается за него ответственности»...

...«Я обличал действия лже-демократа Бакунина»...

...«Писал социалисту Петрашевскому, что вступая в борьбу со Злом, надо самому быть непричастным ему»...

Аналогичных примеров из «Записок» Завалишина можно было бы подобрать десятки, если не сотни.

Возвратившись из Сибири в Москву и занявшись журнальной деятельностью, Завалишин нисколько не спустился со своего пьедестала; наоборот, во всех его статьях неизменно звучит нота самоуверенности, непогрешимости, нетерпимости ко мнению других, желание поучать и исправлять.

К этому времени, т.е. к 1870-м годам, относятся его письма к редактору журнала «Древняя и новая Россия», а затем «Исторического Вестника» – Сергею Николаевичу Шубинскому.

Приглашенный Шубинским к сотрудничеству в «Древней и новой России», Завалишин напечатал там ряд статей и заметок, причем последние имели преимущественно полемический характер. Во всем, что касалось Сибири, Завалишин считал себя высшим и единственным авторитетом, и потому ни одна статья, ни одни воспоминания, касавшиеся Сибири, ее быта, нетомики (уже не говоря о пребывании в ней декабристов) не оставались без его возражений и исправлений.

Характерным образцом такой критико-полемической статьи Завалишина может служить его «Заметка относительно доверия, какое можно иметь к “Воспоминаниям”, “Запискам” и другим подобным материалам, помещаемым в последнее время в разных изданиях для дополнения, разъяснения и исправления сведений наших о происшедшем» («Др. и нов. Россия», 1876, № 10).

В «Заметке» под этим витиеватым заглавием Завалишин подвергает критике со стороны их правдоподобности «Записки» Н.И. Греча, «Записки» лейб-медика Тарасова и статью Кропотова о Рылееве.

Свои задачи по отношению ко всякой мемуарной литературе Завалишин в этой заметке определяет так: «К сожалению, людям лично, – и притом близко, – знакомым с прошедшим, не редко приходится замечать, что исправление ошибок само представляет иногда много ошибочного, пояснения сие более затемняют дело, а из вновь собираемого многое должно быть отне-

сено к области вымысла или представляет полнейший анахронизм... Мы намерены время от времени сообщать наши замечания о всех подобных вещах»...

Психологически эта роль блюстителя исторической правды и карателя всяческих умышленных и неумышленных анахронизмов и вымыслов казалась Завалишину очень верной и исполнялась им очень усердно именно в силу той его озлобленности, которую в нем отметил А.А. Фролов. Поэтому понятен вечно-непокойный, задорный, раздраженный и высокомерный тон почти всех его писем к Шубинскому.

Этот тон особенно обостряется в его последних письмах 1880 г., т.е. тогда, когда Шубинский, оставив редакцию «Древней и новой России», начал редактировать новый журнал – «Исторический Вестник».

Приписывая значительную долю неуспеха «Древней и новой России» тяжеловесности и большому объему помещаемых в ней статей, Шубинский стремился дать в новом журнале побольше материала, интересного для, так называемых, широких масс читателя. Знаток и любитель XVIII в., – преимущественно по бытовой и анекдотической стороне, Шубинский терпел лишь, как неизбежное зло, в своем журнале статьи, выходящие за пределы этого «легкого» исторического чтения. Разумеется, ему должны были казаться и тяжеловесными и малоинтересными статьи Завалишина, трактующие социальный и экономический быт Сибири. Сам же Завалишин слишком ревниво относился к каждой написанной им строчке, считая ее ценным вкладом в историю. Отсюда возникал ряд недоразумений между ним и Шубинским, – недоразумений, рождавшихся и желанием Шубинского сократить статьи Завалишина, и его отзывами о них, как о малоинтересных, и задержкой в их напечатании, и, наконец, отказом их напечатать. Сдержанный и корректный в отношениях со своими сотрудниками, Шубинский долго и терпеливо выносил раздраженное брюзжанье Завалишина. Он дорожил его сотрудничеством, как дорожил участием в только что возникшем и любимом им журнале каждого, чье имя могло бы быть для публики привлекательным, а имя Завалишина могло являться привлекательным уже по одному тому, что он был декабристом. Но, в то же время, – наученный опытом «Древней и новой России», числившей среди своих сотрудников чуть ли не все известные в русской исторической науке имена, и все же не имевшей успеха, – Шубинский в качестве редактора «Исторического Вестника» был уже гораздо осторожнее. Как ни привлекательно имя, – во-первых, должен быть привлекательным материал. С этим принципом редактора «Исторического Вестника» Завалишин не хотел мириться. Результатом их письменной полемики явился отказ Завалишина от сотрудничества в «Историческом Вестнике» и прекращение переписки с его редактором.

Письма Завалишина к Шубинскому – ценный материал и для характеристики самого Завалишина, – фигуры, во всяком случае, своеобразной и интересной, – и для характеристики журнальной среды 70-х годов, в частности русской *исторической* журналистики, до сих пор совершенно неисследованной.

Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в архиве Шубинского в Рукописном отделении Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Г. Никольская

ПИСЬМО 1

Москва, 1878 года, января 24 дня.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Искреннее желание пользы вашему изданию не позволяет мне оставить без замечания то, что сказано вами в вашем последнем письме насчет последствий обилия материалов в вашей редакции. Кто так близко знаком с газетным и журнальным делом, как я. Наблюдающий его ежедневно, – Бог знает, до какой степени велико обилие материалов в редакции каждой газеты и журнала, особенно тех, которых существование давно упрочено, – охотников писать слишком много; пишут даже те, кто строки правильно написать не умеет. Задача газеты или журнала заключается в сортировке материала, и вот в этом то отношении и погрешает большая часть редакций. Отчасти по недостатку внимания, за неимением исправных помощников, отчасти вследствие моды на писателя и не заслуженной авторитетности, не говоря уже о кумовстве, попадает даже в лучших журналах то, чему не должно бы давать места, и за тем, понятно, не остается места для того, что следовало бы поместить. В свое время я указывал редакции Русского Вестника⁶, какие нелепости она помещала потому только, что они прикрывались именами академика Безобразова⁷, профессоров Иловайского⁸, Куторги⁹ и др., указовал Обществу

---

6. «Русский вестник» – российский журнал М.Н. Каткова, издававшийся с 1856 по 1906 г. Один из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России второй половины XIX в. Оказывал огромное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни.

7. Владимир Павлович Безобразов (1828–1889) – русский экономист, статистик, публицист, редактор, педагог, преподаватель политической экономии и финансового права. Академик Санкт-Петербургской академии наук.

8. Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) – русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», редактор и издатель газеты «Кремль».

любителей Духовного Просвещения¹⁰, какое невежество обнаруживается духовными писателями по специальным даже их предметам. И хотя верность моих указаний прочна и была неоспоримою, однако же невежественные промахи авторитетных лиц не были исправлены, и эти лица продолжали, не будучи избобличены, пользоваться незаконным авторитетом, вследствие чего, чтобы они не написали, принималось без исследования.

Таким образом, журналы, вместо исправления ложных фактов, способствовали еще и их сохранению и утверждению; а на них основывались ложные суждения, порождавшие в свою очередь ошибочные действия даже у таких людей, которые думали, что действуют добросовестно, как я изложил на днях письменно (и надеюсь, что доказал это) Каткову¹¹.

Вот почему я и считаю так важным помещение поправок и заметок...

Может быть, Вы будете несколько недовольны содержанием письма, но будьте уверены, что писал его не в виде упрёка, а по искреннему доброжелательству к журналу Вашему.

Искренне уважающий вас

Д. Завалишин

ПИСЬМО 2

Москва, 1 марта 1878.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

На днях просил у меня позволения явиться ко мне гр. Л.Н. Толстой, автор «Войны и мира» и пр. Из разговора с ним я узнал, что желание познакомиться со мною возбудили в нем мои заметки в вашем издании, ради которых он и приобрел его; и так вот уже третий человек (два ученых и известный литератор) заявляют мне, что приобрели сборник «Древняя и новая Россия» ради

Известен как критик норманнской теории с позиций официальной идеологии Российской империи и автор учебников для среднего образования.

9. Михаил Семёнович Куторга (1809–1886) – российский историк-эллинист, зачинатель русского профессионального антиковедения, первый самостоятельный русский исследователь древнегреческой истории. Профессор истории Санкт-Петербургского (1844–1869) и Московского (1869–1874) университетов, член-корреспондент Петербургской академии наук (1848).

10. Московское общество любителей духовного просвещения (ОЛДП) – православное религиозно-просветительское общество Российской империи, созданное с целью распространения «религиозно-нравственных знаний». Основано в 1863 г. в Москве по инициативе митрополита Филарета. Управлялось Советом.

11. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) – русский публицист, издатель, литературный критик, влиятельный сторонник консервативно-охранительных взглядов. Основоположник русской политической журналистики.

помещения в нем моих заметок, придававших им несомненные доказательства, что я и могу, и не уклоняюсь сказать правду о делах и людях современной мне эпохи, владея массой неопровержимых документов.

Вы пишете, что если бы я был года два редактором какого-либо журнала, то судил бы иначе о действиях редакции. Могу вас уверить, что я не был бы тогда таким компетентным судьей, как теперь, пробывши 14 лет, ежедневно, наблюдателем редакции большой газеты и распространенного журнала...

Что составляет «мелочь», и что – нет, зависит во многом от обстоятельств и от приложения к лицу. Я никогда не придираюсь к словам, когда и образованный человек обмолвится в разговоре или ошибется в чем-нибудь, но когда духовное лицо, в специальной церковно-исторической статье назовет Тридентский собор¹² – собором тридцати, потому что прочитал во французской книжке: Conseil de Trente¹³, и французское название Тридента – Trente¹⁴ принял за число, то это уже не мелочь, и я не поверю добросовестности труда такого господина...

Вы приводите в доказательство какое-то опровержение на мою статью; но и утверждение, и опровержение имеют значение только, поколику они основаны на доказательстве. У нас, к тому же, еще много, к сожалению, лиц, готовых и ложно утверждать что-нибудь, и ложно опровергать, рассчитывая на то, что по условиям нашей печати не допустится обличение ни ложного утверждения, ни ложного опровержения. Приведу самый подходящий пример: если бы меня спросили, как вы можете представить доказательства гибельных последствий системы Лазарева, – я мог бы привести много случаев и, в том числе, из позднейшей истории, когда вследствие жестоких наказаний, команда, взбунтовавшись, решила выбросить за борт капитана, и только по ходатайству некоторых любимых командою офицеров оставили его в живых. Но вот этот человек занял потом высшее место в иерархии своего ведомства. Спрашивается: кто же из свидетелей происшествия, лично делавших мне показания, согласился бы теперь подтвердить мои слова, если бы я на них сослался; а они все еще живы, и было время, когда подтвердили бы их, если бы цензура не останавливала мои статьи...

Гр. Толстой предложил мне, что возьмется напечатать мои записки в уверенности, что их сейчас расхватают. Я не сомневаюсь в том, если бы до-

---

12. Тридентский собор – XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся по инициативе Папы Павла III 13 декабря 1545 г. в Тренте, в соборном комплексе, и закрывшийся там же 4 декабря 1563 г., в понтификат Пия IV.

13. Здесь игра слов. *Conseil de Trente* (фр.) можно перевести как Совет Трента или Совет Тридцати.

14. Название итальянского города Тренто пишется по-французски *Trente*, а на латыни *Trident*.

пущено было их обращение. Но я знаю, что если их напечатают за границей, то не допустят в Россию, а если в России, то сожгут...

Искренне уважающий
Д. Завалишин

ПИСЬМО 3

Москва, 1879 года, марта 7-го числа.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Вследствие возбужденных толков о Грибоедове, по случаю юбилея его смерти, некоторые известные литераторы и ученые, слышавшие о моем знакомстве с Грибоедовым, обратились ко мне за разными пояснениями, ввиду крайнего недостатка подробных сведений об этом писателе и явной несообразности некоторых преданий, очевидно искаженных. Все слышанное ими от меня, они сочли настолько важным и необходимым для правильности и полноты сведений о Грибоедове, что настоятельно просили, чтобы то, что сообщено было им изустно, было бы обнародовано и для всеобщего сведения. А как все подобного рода поправки, пояснения и дополнения я начал печатать в Вашем Сборнике¹⁵, и желал бы сосредоточить их в одном издании для облегчения тех, кто захочет ими воспользоваться, то я и считаю правильным, и справедливым послать прилагаемую статью о Грибоедове к вам...

А благо пришлось уже писать Вам, то пользуюсь сим случаем, чтобы сообщить Вам несколько сведений не безынтересных для вашего издания. На днях я узнал, что Екатерининский институт¹⁶ не первый уже год выписывает ваш сборник, но что попечительство Мин[истерство] Народ[ного] Просвещения, напротив, не благоволит к нему за то, что в нем печатаются статьи «оппозиционных» профессоров, из которых прежде всего называют Герье¹⁷, навлекшего на себя особенную неприязнь министерства после того, как он подписался во главе коллективного письма профессоров к Любимову¹⁸ (его по этому поводу, вместе с другим профессором даже ~~официально~~ официально

---

15. [Завалишин 1879].

16. Петербургское училище ордена Святой Екатерины – институт благородных девиц, открытый в Санкт-Петербурге по инициативе императрицы Марии Фёдоровны в 1798 г.

17. Владимир Иванович Герье (1837–1919) – русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор всеобщей истории Московского университета.

18. Николай Алексеевич Любимов (1830–1897) – русский физик, публицист, один из учредителей Московского математического общества, заслуженный профессор Московского университета.

призывали для получения «внушения»). Разумеется, за верность этих слухов нельзя ручаться, но со временем они составят любопытную страницу в истории вашего издания¹⁹.

С другой стороны, не могу не сообщить вам одного замечания лица вполне доброжелательного Сборнику. Инспектор одного учебного, и притом значительного, заведения вот что сказал мне: «Др[евняя] и нов[ая] Россия» имеет несомненно будущность. И «Русск[ий] архив» не вдруг приобрел многочисленных подписчиков, но не понимаю, зачем в Сборнике помещаются такие статьи, как о рыболовстве в каком-нибудь озере или реке? Статье этой, которая сама по себе может быть и хороша в журнале Сабанеева «Природа»²⁰ или в сельскохозяйственном каком-либо издании, а Др[евняя] и нов[ая] Россия должна помещать только то, что служит к историческим пояснениям; тогда она будет, конечно. Иметь больше читателей и отнимать у какого-нибудь директора гимназии предлог говорить, что гимназистам и преподается рыболовство». Я уверен, что Вы не посетуете на это замечание; оно идет от человека, весьма интересующегося вашим изданием.

Ваш покорнейший слуга
Дмитрий Завалишин

ПИСЬМО 4

Москва, 12-го июня 1879 г.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Не без сожаления увидел я из вашего письма, что вы оставляете редакцию сборника, в котором я начал было помещать свои статьи по разъяснению исторических событий. Понятно, что при такой неаккуратности, какую выказал издатель, я не могу иметь более доверия к изданию и терять бесплодно свой нелегкий труд. Впрочем, по самому уже слишком запоздалому выходу книжек, я увидел, что издание колеблется. Разумеется, так как мои сношения со Сборником начались по вашей инициативе и шли все через вас, кому я до-

---

19. В 1876 г. 35 профессоров Московского университета подписали Открытое письмо против позиции профессора Н.А. Любимова о реформе российских университетов. Поскольку Министерство народного просвещения поддержало позицию Любимова, профессор С.М. Соловьёв был вынужден подать в отставку с поста ректора и вскоре покинул университет.

20. Повременный естественно-исторический сборник, с хромолитографированными и литографированными приложениями и политипажками в тексте. Издавался в Москве Л.П. Сабанеевым, под редакцией его же и профессора С.А. Усова, с 1873 по 1877 г., четыре раза в год.

верял многое, независимо от статей, то я и не имею причин продолжать сношения с редакцией Сборника, коль скоро вы оставляете ее...

Далее: вы пишете о помещении в «Историческом Вестнике» мелких моих статей²¹... боюсь одного: все наши исторические журналы сделались тенденциозны, и потому не столько разъясняли историю, сколько ее запутывали. Не знаю, в какой мере потребует Суворин, чтобы новый журнал согласовался с направлением его газеты «Новое Время»²², а это направление (я говорю не о разных изменениях, которым подвергалась газета, а о последнем направлении, об руку с Моск[овскими] Вед[омостями], далеко не беспристрастное). Видя изумительную слабость нашей публицистики, я бы не прочь принять участие и в «Новом Времени», если бы оно допускало беспристрастные голоса...

Собранные мною доказательства слабости нашей публицистики и служащей ей основанием – нашей учености, не исключая и тех ученых, которые более всех вопят против поверхностности источников, неполноты, – составят ценный материал для будущего историка нашей эпохи...

Искренне уважающий
Дмитрий Завалишин

ПИСЬМО 5

Москва, 21-го ноября 1879 года.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Трудно спорить о значении и интересе сочинений и статей, когда ни у публики, ни у критики нет определенного общего критериума. Если ошибаются авторы, то не менее часто ошибаются и издатели, доказательством чему служат беспристрастные обвинения друг друга у журналов и газет, что такие то и такие то статьи и бессодержательны и неинтересны. Если Др. и н. Россия обвиняла Рус[скую] Старину за статью Стогова²³, то и сама подлежала обвинению за многие статьи; Рус[ский] Архив и Рус[скую] Старину постоянно упрекают за помещение мельчайших подробностей о родстве разных лиц, не имеющих никакой исторической известности, и о их домашней жизни, не представляющей никакой особенной характеристики; а вот и Рус[ский] Вест[ник] и другие журналы заразились тою же болезнью. Моск[овские] Вед[омости] в первое время своего существования имели рубрику: «Москов-

---

21. В следующем году Д.И. Завалишин опубликует в «Историческом вестнике» только одну статью: [Завалишин 1880].

22. «Новое время» – русская газета, издававшаяся в 1868–1917 гг. в Санкт-Петербурге.

23. Вероятно, имеется в виду публикация: [Стогова 1878]; критический отзыв о ней см.: [Новые журналы 1879].

ские рынки». С первого же дня, как издатели пригласили меня к участию в газете, я объявил, что эти известия, наполнявшие, однако, иногда целых две полосы, не имеют смысла и не могут приносить пользы; и, однако ж, Леонтьев уверен был, что они весьма интересуют многих и упорствовал печатать их целые два года, пока со всех уже сторон не услышал подтверждения моего мнения. Когда при содействии моем была введена рубрика «Разные известия», которую я предлагал для полезных вещей, открытий и пр., ее сейчас опошлили, помещая в ней балагурные анекдотики, и на мое о том замечание отвечали, что есть часть публики, для которой это весьма интересно. Даже книги не избегли участи своевольной оценки. Я недавно читал жалобу компетентного лица, что Азбука гр. Л. Толстого²⁴ не имеет ходу, тогда, как многие пошлейшие Азбуки, произведения шарлатанства и спекуляции, пережили десятки изданий.

В моих литературных заметках я никогда не писал ничего под влиянием мысли, что это будет интересно для публики, потому что не искал ни литературной известности, ни выгоды. Я желал только, чтобы сохранились правильные понятия о фактах, о лицах и событиях, и правильные, по моему убеждению, суждения. Вот доказательства. В сочинении Максимова «Сибирь и Каторга»²⁵ все самое существенное относительно декабристов написано мною и подтверждено доказательствами, которые были у Максимова в руках; но это знал только он, да теперь будете знать вы. Мало того, всё относящееся к этому предмету, написанное и самим Максимовым, было просмотрено и справлено мною с представлением и доказательств, в чем были ошибки и неточности; все корректуры по несколько раз пересылались ко мне и обратно, и за весь этот огромный труд я не требовал и не получил ни копейки и, следовательно, имею право сказать, что ни самолюбие, ни интерес мною не руководствовали. Автору простительно ошибаться на счет значения своих статей, особенно когда мнения разделяются, и он слышит одобрения с одной стороны вопреки мнению другой. Я уже шестнадцатый год сотрудничаю в Моск[овских] Вед[омостях], и нередко редакция, особенно при неимении материала, обращается ко мне с просьбою описать что-нибудь; но я никогда не пишу ничего для того только, чтобы написать что-нибудь, как бы ни было для меня выгодно... Статьи о Сибири я предпринял писать по неотступной просьбе многих лиц, слышавших мои рассказы и желавших, чтобы они со-

---

24. Школьное пособие, написанное Львом Толстым для обучения детей чтению, письму и арифметике. Литературно-педагогическая работа, состоящая из четырёх книг и впервые изданная в 1872 г., включает не только адресованные ученикам короткие истории, былины, басни, загадки, но и рекомендации педагогам, методические советы и общие замечания.

25. [Максимов 1871].

хранились в печати. Ближайшим же поводом было то обстоятельство, что когда я объявил, что обязательства для меня мои и семейные и другие занятия не позволяют мне за это взяться, то просили написать хотя ту часть истории Сибири, которой я сам был свидетелем и в которой принимал участие... Я сообщил о том вам и, вместе с тем, по желанию Вашему, препроводил оглавление сочинения (в роде конспекта); вы отвечали, что статья обещает быть интересной, вследствие чего я и написал первую часть и послал вам. Если бы вы в то время объявили мне, что она не представляет интереса, то, пожалев о бесполезной трате времени и на первую часть я, конечно, не стал бы продолжать своего труда. Итак, по моему убеждению, я не виноват в том обороте, какой получило дело, относящееся к статье о Сибири...

Впрочем, я вовсе не имею в виду продолжать споры о значении и занимательности моих статей и обременять себя и вас бесполезною перепиской...

Статью о Сибири я писал не как декабрист, да и не должен был писать, как декабрист; между мною, как автором статьи и, как декабристом, не было ничего общего, и, если я, как декабрист, был долгое время в Сибири, то знал ее и прежде, и наблюдал, и действовал в ней не как декабрист, и высшее начальство искало моего совета и содействия не потому, что я был декабристом, а вопреки тому, так как знало мои способности, мое знание края и мое беспристрастие... И если Моск[овские] Вед[омости] напечатали более 30-ти моих писем и статей о Сибири, то, конечно, не потому, что я – декабрист... Когда бы дело шло о том, чтобы писать то, что я знаю, как декабрист, то, может быть, то, что мог бы я сказать, было и правдивее, и полезнее и вернее того, что могли сказать другие, как о том есть намеки в письмах моих товарищей и которые должен засвидетельствовать С. Максимов и другие, имевшие случай знать многих декабристов и слышать их рассказы и мои; но помещать в статье о Сибири то, что я могу сказать, а как декабрист, я считал неуместным...

Искренне уважающий и всегда готовый к услугам
Д. Завалишин

ПИСЬМО 6

Москва, 1880 г. февраля 28-го дня.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Вы говорите, что Записки Геттуна²⁶ не интересуют лишь меня одного; честно ошибаетесь! Я в Москве не слышал о них ни одного благоприятного отзыва; а если скажете, что Москва предубеждена вообще против петербург-

---

26. [Записки 1880].

ской литературы, то я, в свою очередь, скажу, что нашел и в петербургских газетах даже такое резкое мнение, какого не слышал и в Москве. В одной из ваших газет прямо сказано, что за эти Записки Геттуна «Исторический Вестник» заслуживает название «Канцлерского Вестника», при чем и разоблачается, какую степень доверия могут иметь рассказы человека, который был выключен из службы за самое вопиющее злодеяние, за осуждение в каторжную работу невинных крестьян в угоду помещика!

А в литературном отношении вот отзыв об этой статье: «Ничего ни любопытного, ни живого; это весьма скучный дневник канцелярских походов – и не больше»...

В той же газете так отзываюся и о статье Костомарова²⁷: «Рассказ Костомарова ничем не замечателен и не поучителен ни в историческом, ни в литературном отношении».

Здесь же, в Москве, совершенно также не понимают, для чего у вас помещена статья (в февральской книжке) о Миклухе-Маклае²⁸. Эта статья и не историческая и не литературная; ей место в Этнографическом сборнике, и вы, конечно, понимаете, что говорил я вам о подобных статьях в Др. и н. России, говорил в то время, ради пользы издания и когда мы были в наилучших отношениях и, след., вы не могли предполагать во мне никакого раздражения.

Все, что я и теперь говорю, имеет единственную целью пользу издания и достоинство издания, потому что я уже лично не заинтересован в издании, да и не имею надежды, ни намерения переубеждать вас.

Сравнивать Записки Геттуна с Записками Болотова²⁹ значит доказывать только отсутствие у вас понятия об исторической критике – там действительно рассказ бесхитростный, но человека не только искреннего, но и умнееющего наблюдать важные события, потому что об эпохе Петра III у него сообщено то, ~~что~~ чего нет в записках людей и высокопоставленных...

Вы говорите, что для редакторов невозможно давать объяснения на каждую статью о причинах, почему не печатается она; но это справедливо относительно только тех статей, которые автор посылает на свой риск, но статья о Сибири была писана по предварительному соглашению с вами, была вами прочитана и отдана переписать; наконец, печатанию оной назначен был определенный уже срок; поэтому общие рассуждения к ней уже не прилагаются...

Во всем том, что я печатал, я всегда строго различал то, что знал наверное, как личный свидетель или на основании документов, то того, что передавал, как общий слух или как слышанное от других. Это я требовал всегда и от своих корреспондентов, оттого и знал всегда все с точностью, так что

---

27. [Костомаров 1880].

28. [Майнов 1880].

29. [Болотов 1870], [Болотов 1871], [Болотов 1872], [Болотов 1873].

в 16 лет не было случая, чтобы сообщенное мною в Моск[овских] Вед[омостях] подвергалось когда-либо документальному опровержению. Потому то мне и особенно прискорбно, что вы, как бы желая во что бы то ни стало найти в чем бы то ни было предлог упрекнуть меня, положились на слова других людей, когда статья моя о Попé с рогами³⁰ была столько времени у вас в руках. Разве в самой статье моей не сказано, что дело идет о слухах и рассказах, бывших в то время в ходу в Петербурге; разве не сказано, что по справкам никакого дела в Синоде не оказалось; разве не сказано, что заметки о неверном рассказе в печати затеряны, а эти заметки делались сообща и моими товарищами, бывшими также в то время в Петербурге, слышавшими рассказ, делавшими справки, читавшими письма. Мой товарищ Вадковский³¹, гостивший в Гагарине у своей бабки по матери, известной вдовы фельдмаршала, графини Чернышевой, слышал и на месте, что происшествие рассказывалось, как действительное событие, а не как легенда. Что же мудреного, что и в Петербург передавалось в письмах, как действительно случившееся в то время, что могло быть и легендою, если вспомним, что при отсутствии в то время провинциальной печати, при совершенном незнании с провинциальными событиями и легендами, смешать одно с другим очень легко. Но, наконец, разве действительно случившееся за 60 лет почти тому назад, не могло уже перейти в легенду, т.е., в событие, которое не имея уже определенного места и лица, теряет уже характер достоверности и делается общим неопределенным сказанием, прилагаясь к какому угодно месту и лицу. До какой степени легко совершаются в самый короткий срок подобные переходы события в легенду, могу привести два примера: все, что в наше время рассказывается о петербургском коменданте Башуцком³² (из чего многое действительно и было), рассказывалось потом о Мартынове³³, а когда я возвратился сюда, то мне рассказывали о попечителе Назимове³⁴, то, что, как мне достоверно было известно, случилось с одним Дерптским попечителем из военных, в мое время...

---

30. Статья, видимо, основана на Петербургских слухах о попé с рогами, объявившемся в Казанском соборе во времена Императора Александра I. Точное название статьи не установлено.

31. Фёдор Фёдорович Вадковский (1800–1844) – прапорщик Нежинского конноегерского полка (1825), декабрист. Осуждён по I разряду.

32. Павел Яковлевич Башуцкий (1771–1836) – русский генерал, участник Наполеоновских войн, Санкт-Петербургский комендант, сенатор, член Верховного уголовного суда над участниками восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

33. Павел Петрович Мартынов (1782–1838) – генерал-лейтенант, комендант Петропавловской крепости и города Санкт-Петербурга.

34. Владимир Иванович Назимов (1802–1874) – виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор. 1 ноября 1849 г. назначен попечителем Московского учебного округа и 6 декабря того же года произведён в генерал-лейтенанты.

Грешно поэтому вам, если вы забыли содержание моей статьи, не справились предварительно с нею, прежде, чем обвинять меня, и прилагать ко мне изречение о сучке и бревне, ко мне вовсе не приложимое, как к человеку, который всегда, как я сказал выше, отличал достоверное от слуха. Самая статья моя имела именно целью возбудить разъяснение слуха, подавшего повод к событию, которого целый Петербург был свидетелем, о котором шел разговор при мне за столом у мин.[истра] н.[ародного] п.[росвещения] адмирала Шишкова³⁵, который тут же поручил перешедшему к нему на службу моему товарищу Новосильскому³⁶ (впоследствии директору департамента синода) разузнать в синоде, было ли какое основание для распущенного слуха.

Да! Легко и удобно выводить небылицы на человека, осужденного по обстоятельствам на вынужденное молчание, но будет крайне невыгодно для многих, если я когда-нибудь имел бы, как другие, к своим услугам печать, кафедру и ораторские речи в собраниях...

Ваш покорный слуга
Дмитрий Завалишин

ПИСЬМО 7

Москва, 14-го сентября 1880 г.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Вы пишете мне, что на мне лежит обязанность сказать правду о декабристах; я это очень хорошо сознаю и всегда сознавал, зная, что, кроме меня, едва ли кто хочет и может это сделать, но, к сожалению, я, для обнародования моего труда, не надеюсь ни в ком встретить содействия; нынешние журналы не снесут моей правды, они не допускают беспристрастия, а оговорки и условия, которыми вы обставили печатание моих статей в вашем журнале, отняли у меня возможность обращаться с моим трудом и к вам... Все журналы требуют слу-

---

35. Александр Семёнович Шишков (1754–1841) – русский писатель, литературовед, филолог, мемуарист, военный и государственный деятель, адмирал (1824). Государственный секретарь и министр народного просвещения.

36. По-видимому, речь идет о Новосильском Павле Михайловиче (1800–1862), который служил в Министерстве народного просвещения в 1825–1838 гг. С октября 1838 по просьбе обер-прокурора Синода он занимал должность директора хозяйственного управления Синода. Впоследствии работал в Министерстве внутренних дел директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, а в последние годы жизни был цензором Петербургского цензурного комитета. Он мог познакомиться с Завалишиным во время первого кругосветного плавания вокруг Антарктиды (1819–1821) на шлюпе «Мирный» под командованием М.П. Лазарева, в котором участвовал и Завалишин.

жения односторонним интересам какой-нибудь партии или материальным интересам самого издания. Вот и печатаются в «Рус[ской] Старине» записки Беляева³⁷ (декабриста), в которых с первой же страницы видно, какой партии вздумал он подслуживаться. Можно сознавать свои ошибки и искать выхода из соглашения того, что есть справедливого в обеих противоположных сторонах, но нельзя вследствие сознания своих ошибок возвращаться к тому, что справедливо было осуждено в противной стороне и, осуждая ошибочное в той стороне, осуждать и то, что было справедливого в ней, в побуждениях и требованиях. И вот для таких статей нашелся, однако же, не только журнал, но и человек, взявшийся исправлять статью (взяться исправлять человеку, чуждому всему, что будет исправлять!); хороша будет история, основанная на таких документах, как эта статья, как панегирик коменданту Лепарскому³⁸, как статья дочери Даля³⁹ и пр.

Мне по моим летам нельзя рассчитывать на долгую еще жизнь и, во всяком случае, на продолжение сил заниматься; я могу только заботиться о достоверности фактов, которые и поверяю неустанно и самым добросовестным образом; но у меня нет времени, чтобы заниматься переправкой сполна десять раз корректур, чтобы подлаживаться под вкус публики, на который, к тому же, и не угодишь, потому что то же самое, что один журнал выдает за гениальное произведение, другой обзывает пошлостью. А от того, что гоняются более за доставлением легкого чтения праздному читателю, а не за сущностью дела, у нас ничто правильно не разрешается, а все только запутывается, и историческая правда не разъясняется, а помрачается...

Ваш покорный слуга
Д. Завалишин

ПИСЬМО 8

Москва, 9 октября 1880 г.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Из всего, что я читаю, убеждаюсь, что в наших журналах историческая правда находится в безнадежном положении. Вот, напр., «Рус[ская] Старина» напечатала самую отъявленную ложь о коменданте Лепарском⁴⁰; мне ничего бы не стоило опровергнуть ее; но вы не соглашаетесь печатать опровержения,

---

37. [Беляев 1880], [Беляев 1881], [Беляев 1884], [Беляев 1885], [Беляев 1886].

38. Станислав Романович Лепарский (1754–1837) – русский генерал, комендант Нерчинских рудников.

39. [Даль 1879].

40. [Тимощук 1892].

как не согласились напечатать опровержение на статью Е. Даль⁴¹. И пошла гулять ложь по всей России и порождать обманные и ложные выводы. По вашей теории, если вздумает кто напечатать что-либо извращающее историческую правду в каком-либо журнале или по кумовству, или по другим каким соображениям, найдется услужливый журналист, который напечатает хоть самую явную ложь, то другой журналист не может печатать на нее возражение под предлогом, что читатели этого журнала не читали того, что было напечатано в другом; а как этот другой журнал не захочет поднять на себя руку, как и делал то Рус[ский] Вест[ник] относительно нелепой статьи Е. Даль, то ложь и остается без опровержения и со временем войдет (как неопровергнутая) в рассказ о декабристах и в биографию В.И. Даля...

Горько было видеть и убедиться, что упование мое, что найдется, наконец, хоть один журнал, который будет преимущественно держаться исторической правдой, оказалось тщетным. Журналы жаловались всегда на цензуру, но произвол редакций (по партиям ли, по расчету ли, по кумовству ли) относительно посылаемых им статей гораздо хуже и тяжелее[e] цензуры.

Достоинство статьи о Лепарском лучше всего выказалось в том, что уже в следующей книжке явилось возражение против такой части, которая должна, казалось бы, непременно быть верна, так как для нас должны иметься в бумагах Лепарского официальные данные.

Хороша же будет история, основанная на подобных источниках, в то время как правдивые факты не находят себе места в печати. И может ли Россия правильно действовать, когда ей со всех сторон сообщают только ложь и обман, а правда ни с верха, ни с низа не может пробиться. Вот и «Рус[ская] Старина» приманивает читателей обещаниями записок М. Бестужева и Ал. Беляева, когда относительно первого Розен⁴² показал, каково достоинство этих записок, судя по тем грубым ошибкам, которые были в печатавшихся М. Бест[ужевым] статьях⁴³; относительно второго – ярая выходка против низшего слоя нигилистов при умолчании о действиях высших показывает, сколько правды можно ожидать от подобных тенденций! А все это будет считаться источником для истории!

Готовый к услугам вашим
ваш покорный слуга
Дмитрий Завалишин

---

41. [Даль 1879].

42. Андрей Евгеньевич (фон) Розен (1799–1884) – русский военный, поручик (1823), декабрист. Розен вносил собственные поправки к публиковавшимся «Запискам М.А. Бестужева», которые публиковались в тех же номерах «Русской Старины» (т. II за 1870 г.).

43. [Бестужев 1870].

ПИСЬМО 9

Москва, 25 октября 1880 г.

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

Из последнего письма вашего я убедился, что мы так уже разошлись во мнениях, как я не мог и вообразить себе при начале наших сношений. Вы решились привести даже такой аргумент, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но на это позвольте вам сказать, что если я в переписке с вами обсуждал условия необходимые для периодического издания, то, во-первых, потому что это было по собственной вашей инициативе, при обсуждении недостатков другого издания, где вы также были редактором, и, во-вторых, потому, что, дорожа достоинством печати, я предполагаю в ней, как имеющей притязание обсуждать всякий другой род деятельности, обязанность беспристрастия и относительно себя самой, и потому обязанность не только не считать не дозволенным судить об ее периодических органах, но, напротив, желать даже, в видах общей пользы, чтобы указывали на их недостатки. Что же касается до приведенной вами пословицы, то, если в чужой монастырь со своим уставом не ходят, то не менее того, монастырские уставы все таки подлежат ~~выполнению~~ вполне и обсуждению, и осуждению не только литературному. Но и судебному. В известном деле Стахеева⁴⁴ с редакцией «Русского Вестника» адвокат последнего также употреблял в виде аргумента ту же пословицу и доказывал право редакции поступать по своему усмотрению; однако же, суд не признал обязательным для авторов монастырского устава редакций, и на основании того, что статья Стахеева была принята редакцией и в письме к нему сказано было, что она будет напечатана, присудил редакцию или напечатать статью, или, не печатая, уплатить Стахееву за нее и взysкать сверх того с редакции судебные издержки.

Относительно всякого рода общественной деятельности я всегда был самым доброжелательным критиком; и потому, если замечал где ошибки и особенно несоответствия с объявляемою целью, то прежде нежели выступать с гласным осуждением, я всегда обращался к тому лицу или учреждению с указанием ошибок или недостатков, предполагал предварительно во всех желание общей пользы; я поступал всегда так, потому что никогда не хлопотал делать из критики средство для личной пользы; и только тогда уже обращался к гласному осуждению, когда видел сознательное нежелание исправления вследствие ли расчета выгоды или по самолюбию.

Мне не раз предлагали газеты, зная, до какой степени я слежу за всем, взять на себя критику периодических изданий; конечно, для меня было бы,

---

44. Дмитрий Иванович Стахеев (1840–1918) – русский писатель, купец. С 1896 – редактор «Русского Вестника».

напр., выгоднее вместо того, чтобы указывать вам самим о промахе, написать в критическом разборе в другой газете, что вот де в «Историч[еском] Вестнике» напечатана подобная нелепость, как рассказ о ворожее и Аракчееве⁴⁵, что было бы неизвинительно даже в ежедневной газете, оправдывающей подобные промахи спешностью работы; а тут – подобный промах в журнале, выходящем только один раз в месяц, да еще носящем специальное название «исторического».

Лично для себя я не дорожу печатанием моих статей ни ради выгоды, ни ради самолюбия; я сожалею только, когда потерял время, необходимое мне для других занятий, обеспечивающих мое существование; что же касается до самолюбия, то, заботясь о полноте исторической правды, я и не думал ничего печатать, если не было надежды напечатать все вполне. Оттого я и не принял ни предложения Л. Толстого напечатать мои записки в России, зная, то многое не будет пропущено, ни предложения других напечатать их за границей, зная, что они будут запрещены в России.

Всегда готовый к услугам вашим
Д. Завалишин

К письму Завалишина от 25/X-80.

Заметка

В № 10-м (Октябрь) «Исторического Вестника» напечатан, взятый из Пермских Губернских Ведомостей рассказ об Аракчееве и о ворожее. Подобные рассказы время от времени повторяются в приложениях и к другим лицам, но нелепость приложения к Аракчееву отличается в первых же строках, где говорится, что Аракчеев в начале царствования императора Павла был поручиком, человеком незначущим, тогда, как он еще в Гатчине, до восшествия на престол Павла, имел уже значение, а вместе с восшествием получил огромное значение и для всей России. Притом начало царствования Павла относится к 1797 году, а ходатайство о молодом человеке было в 1822 году. Не скоро уж вспомнил Аракчеев о ворожее!

Дм. Завалишин

---

45. [Анекдот 1880].

Библиография

- Азадовский М.К. Письма Д.И. Завалишина из каземата к А.С. и Ф.О. Смольяниновым: [Неопубл. вступ. ст. к неопубл. письмам декабриста] // Библиофил Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. Вып. 1. С. 179–198.
- Анекдот о графе Аракчееве // Исторический вестник. 1880. Том 3. № 10. С. 429–430.
- Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1880. Кн. 9, 11, 12.
- Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1881. Кн. 1, 3, 4, 7, 9, 10, 12.
- Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1884. Кн. 4, 5.
- Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1885. Кн. 3, 12.
- Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном // Русская Старина. 1886. Кн. 2, 11.
- Бестужев М.А. Записки // Русская Старина. 1870. Т. 1. С. 253–274.
- Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738–1793: в 4 т. СПб.: Русская старина, 1870–1873. Т. 1. X с., 1017 стлб.; Т. 2. 1120 стлб.; Т. 3. 1244 стлб.; Т. 4. 1330, 84 стлб.
- Васильева Е.Б. Роль исторических журналов в формировании образа декабриста во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам «Русского архива» (1864–1917), «Русской старины» (1870–1917) и «Исторического вестника» (1880–1917)) // Декабристы: Актуальные направления исследований: сб. ст. и мат. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 383–399.
- Вольфцун Л.Б. Никольская Гали Всеволодовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. словарь: в 4 т. СПб.: Изд-во РНБ, 2003. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1931–1945. С. 468–471.
- Геттун В.Н. Записки. 1771–1815 гг. // Исторический вестник. 1880. Том 1. № 1. С. 26–67; № 2. С. 253–296; № 3. С. 473–504.
- [Даль Е.В.] Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям его дочери) // Русский Вестник. 1879. № 7. Том 142. С. 71–112.
- Декабристы: Актуальные направления исследований: сб. ст. и мат. СПб.: Нестор-История, 2014. 460 с.
- Завалишин Д.И. Воспоминания о Грибоедове // Древняя и Новая Россия. 1879. Т. 1. № 4. С. 311–321.
- Завалишин Д.И. Декабрист М.С. Лунин // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 139–149.
- Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 380, [3] с.
- Костомаров Н.И. Самозванец лже-царевич Симеон // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 1–25.
- Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. Л.: [Гос. пуб. биб-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина], 1940. 302 с.
- Майнов В.Н. Русский ученый в Новой Гвинее // Исторический вестник. 1880. Том 1. № 2. С. 358–373.
- Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб.: тип. А. Траншеля, 1871.
- Мироненко М.П. Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» // Археографический ежегодник за 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 169–183.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Никольская Г.В. Воспоминания Г.В. Никольской о Рукописном отделении // История библиотек: исследования, материалы, документы: [сб. науч. тр.]. СПб.: Изд-во РНБ, 2002. Вып. 4. С. 268–307.

Новые журналы и книги // Древняя и новая Россия. 1879. № 10. С. 165–166.

Стогов Э.И. Очерки, рассказы и воспоминания. Ссылнокааторжные в Восточной Сибири, 1820–1830 гг. // Русская Старина. 1878. Т. XXII. С. 301–316, 616–632.

Тимошук В.В. Станислав Романович Лепарский, комендант Нерчинских рудников и Читинского острога. Биографический очерк // Русская Старина. 1892. Т. 1. С. 143–177.

Штец Э.Б. Члены тайных обществ декабристов: события, даты, места пребывания: в 3 т. М.: Фрегат, 2011. Ч. 1: Москва и Московская губерния. 492 с.

Штец Э.Б. Члены тайных обществ декабристов: события, даты, места пребывания: в 3 т. М.: Фрегат, 2017. Ч. 3, т. 1: Восточная Сибирь. Служба, каторга и поселение. 492 с.

Штец Э.Б. Члены тайных обществ декабристов: события, даты, места пребывания: в 3 т. М.: Фрегат, 2017а. Ч. 3, т. 2: Восточная Сибирь. Служба и поселение. 515 с.

Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.

References

Anekdot o grafe Arakcheev [Anecdote about Count Arakcheev]. Istoricheskij vestnik [Historical Messenger]. 1880. Vol. 3. N 10. P. 429–430. (In Russ.)

Azadovskij M.K. Pis'ma D.I. Zavalishina iz kazemata k A.S. i F.O. Smol'janinovym: [Neopubl. vstup. st. k neopubl. pis'mam dekabrista] [Letters by D.I. Zavalishin to A.S. and F.O. Smolyaninov: [Unpublished article for unpublished letters of Decembrist]]. Bibliofil Sibiri [Bibliophil of Siberia]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. N 1. P. 179–198. (In Russ.)

Beljaev A.P. Vospominanija o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the experienced and the overwhelmed]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1880. Vol. 9, 11, 12. (In Russ.)

Beljaev A.P. Vospominanija o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the experienced and the overwhelmed]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1881. Vol. 1, 3, 4, 7, 9, 10, 12. (In Russ.)

Beljaev A.P. Vospominanija o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the experienced and the overwhelmed]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1884. Vol. 4, 5. (In Russ.)

Beljaev A.P. Vospominanija o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the experienced and the overwhelmed]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1885. Vol. 3, 12. (In Russ.)

Beljaev A.P. Vospominanija o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of the experienced and the overwhelmed]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1886. Vol. 2, 11. (In Russ.)

Bestuzhev M.A. Zapiski [Notes]. Russkaja Starina [Russian Antiquity]. 1870. Vol. I. P. 253–274. (In Russ.)

Bolotov A.T. Zhizn' i prikljuchenija Andreja Bolotova, opisannye samim im dlja svoih potomkov 1738–1793 [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants 1738–1793]. 4 vol. Saint Petersburg: Russkaja starina, 1870–1873. Vol. 1. X p., 1017 cols.; Vol. 2. 1871. 1120 cols.; Vol. 3. 1244 cols.; Vol. 4. 1330, 84 cols. (In Russ.)

[Dal' E.V.]. Vladimir Ivanovich Dal' (po vospominanijam ego docheri) [Vladimir Ivanovich Dal' (according to his daughter memoirs)]. Russkij Vestnik [Russian Messenger]. 1879. N 7. Vol. 142. P. 71–112. (In Russ.)

Dekabristy: Aktual'nye napravlenija issledovanij: sb. st. i mat. [Decembrists: current areas of research. Collective articles and papers]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. 460 p. (In Russ.)

Erlih S.E. *Vojna mifov* [War of myths]. *Pamjat' o dekabristah na rubezhe tysjacheletij* [Memory of the Decembrists at the turn of the millennium]. Saint Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriia, 2016. 552 p. (In Russ.)

Gettun V.N. *Zapiski, 1771–1815 gg.* [Notes, 1771–1815]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Messenger]. 1880. Vol. 1. N 1. P. 26–67; N 2. P. 253–296; N 3. P. 473–504. (In Russ.)

Kijanskaja, O.I. *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2015. 380, [3] p. (In Russ.)

Kostomarov N.I. *Samozvanec Izhe-carevich Simeon* [Pretender False Prince Simeon]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Messenger]. 1880. Vol. 1. N 1. P. 1–25. (In Russ.)

Kratkij otchet Rukopisnogo otdela za 1914–1918 gg. [Brief report of the Manuscript Department for 1914–1918]. Leningrad: Gosudarstvennaia publichnaia biblioteka im. Saltykova-Shchedrina, 1940. 302 p. (In Russ.)

Majnov V.N. *Russkij uchenyj v Novoj Gvinee* [Russian Scientist in New Guinea]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Messenger]. 1880. Vol. 1. N 2. P. 358–373. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Sibir' i katorga* [Siberia and Hard Labour Camp]: 3 vol. Saint Petersburg: A. Transhel, 1871. (In Russ.)

Mironenko M.P. *Memuarное nasledie dekabristov v zhurnale «Russkij arhiv»* [Memoir heritage of the Decembrists in the «Russian Archive» almanac]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1975 god* [Archeographic Yearbook for 1975]. Moscow: Nauka, 1976. P. 169–183. (In Russ.)

Nikol'skaja G.V. *Vospominanija G.V. Nikol'skoj o Rukopisnom otdelenii* [Memoirs of G.V. Nikolskaya about the Manuscript Department]. *Istorija bibliotek: issledovanija, materialy, dokumenty* [History of libraries: research, materials, documents: [collection of scientific papers]]. Saint Petersburg, 2002. Is. 4. P. 268–307. (In Russ.)

Novye zhurnaly i knigi [New magazines and books]. *Drevnjaja i novaja Rossija* [Ancient and New Russia]. 1879. N 10. P. 165–166. (In Russ.)

Shtets E.B. *Chleny tajnyh obshhestv dekabristov: sobytija, daty, mesta prebyvanija* [Members of secret societies of the Decembrists: events, dates, places of stay]: 3 vol. Moscow: Fregat, 2011. Vol. 1: *Moskva i Moskovskaia guberniia* [Moscow and Moscow province]. 492 p. (In Russ.)

Shtets E.B. *Chleny tajnyh obshhestv dekabristov: sobytija, daty, mesta prebyvanija* [Members of secret societies of the Decembrists: events, dates, places of stay]: 3 vol. Vol. 3. Part 1. Moscow: Fregat, 2017. *Vostochnaja Sibir' Sluzhba, katorga i poselenie* [Eastern Siberia. Service, hard labour and settlement]. 492 p. (In Russ.)

Shtets E.B. *Chleny tajnyh obshhestv dekabristov: sobytija, daty, mesta prebyvanija* [Members of secret societies of the Decembrists: events, dates, places of stay]: 3 vol. Moscow: Fregat, 2017a. Vol. 3. Part 2: *Vostochnaja Sibir'. Sluzhba i poselenie* [Eastern Siberia. Service and settlement]. 515 p. (In Russ.)

Stogova Je. I. *Očerki, rasskazy i vospominanija. Ssyl'nokatorzhnye v Vostochnoj Sibiri, 1820–1830 gg.* [Essays, stories and memoirs. Exiles in Eastern Siberia, 1820–1830]. *Russkaja Starina* [Russian Antiquity]. 1878. Vol. XXII. P. 301–316, 616–632. (In Russ.)

Timoshchuk V.V. *Stanislav Romanovich Leparskij, komendant Nerchinskih rudnikov i Chitinskogo ostroga. Biograficheskij ocherk* [Stanislav Romanovich Leparskij, commandant of the Nerchinsk mines and the Chita prison. Biographical sketch]. *Russkaja Starina* [Russian Antiquity]. 1892. Vol. 1. P. 143–177. (In Russ.)

Vasil'eva E.B. *Rol' istoricheskikh zhurnalov v formirovanii obraza dekabrista vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam «Russkogo arhiva» (1864–1917), «Russkoj stariny» (1870–1917) i «Istoricheskogo vestnika» (1880–1917))* [The role of historical journals in shaping the image of the Decembrist in the second half of the 19th – early 20th centuries. (Based on documents from the «Russian Archive» (1864–1917), «Russian Antiquity» (1870–1917) and «Historical Bulletin» (1880–

1917))]. Dekabristy: Aktual'nye napravlenija issledovanij [Decembrists: current areas of research]: Collective articles and papers. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. P. 383–399. (In Russ.)

Vol'f'sun L.B. Nikol'skaja Gali Vsevolodovna. [Nikolskaya Gali Vsevolodovna]. Sotrudniki Rossijskoj nacional'noj biblioteki – dejateli nauki i kul'tury [Employees of the Russian National Library are scientists and cultural figures]. Biographical dictionary: 4 vol. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RNB, 2003. Vol. 3. P. 468–471. (In Russ.)

Zavalishin D.I. Dekabrist M.S. Lunin [Decembrist M.S. Lunin]. Istoricheskij vestnik [Historical Messenger]. 1880. Vol. 1. N 1. P. 139–149. (In Russ.)

Zavalishin D.I. Vospominanija o Griboedove [Memoirs of Griboedov]. Drevnjaja i Novaja Rossija [Ancient and New Russia]. 1879. Vol. 1. N 4. P. 311–321. (In Russ.)